

"Русская мысль", Париж,
№ 4351, 1 февраля 2001 г.

ЕКАТЕРИНА БОГОПОЛЬСКАЯ

ИЗАБЕЛЬ ЮПШЕР ИГРАЕТ МЕДЕЮ

Трагедия Еврипида в Одеоне - Театре Европы. Постановка Жака Лассалья

Спектакль, поставленный прошлым летом в Парадном Дворе Папского замка в Авиньоне, многие восприняли как реванш Лассалья после провала здесь же, в 1994 г., его Еврипидовской «Андромахи». Впрочем, спектакль, показанный в Одеоне, продолжает вызывать самые разные отклики критики и зрителей от

восхищения до полного неприятия.

Волшебница Медея, дочь царя Колхиды, при помощи которой аргонавты во главе с Ясоном заполучили золотое руно, с легкой руки Еврипида вошла в историю прежде всего как детоубийца, мстящая отвергнувшему ее мужу гибелью их сыновей. Между тем давно замечено, что Еврипид относится к своей героине двойственно: и осуждая ее страшное преступление, и сострадавая ей. Лассаль развивает эту мысль до логического предела, предлагая взглянуть на происходящее глазами самой Медеи. И не из античного далека, а так, из дома на соседней улице, как будто бы Медея была нашей современницей.

Язык Еврипида упрощен и осовременен с устрашающей легкостью, и первые слова Медеи, обращенные к Ясону: «Негодяй... законченный», режут слух своим несоответствием тому, как, на наш взгляд, могут и должны изъясняться герои греческой трагедии (адаптированный перевод от Пьера Жюде де ля Комба, Pierre Judet de la Combe). Ответы Ясона еще поразительнее. Ясон (Жан-Кентен Шателен) - роль характерная: маленький, коренастый Шателен и чисто внешне не вяжется с масштабом и статью, полагающимися герою. А уж когда он принимается говорить на своем очень своеобразном французском, с сильным швейцарским акцентом, зал начинает покатываться со смеху. Да и что говорит: дескать, потому, дорогая, я себе новую супругу завожу (получается прямо из Высоцкого: «Ты, Нин, уж лучше помолчала бы...»), царских кровей, чтобы тебя и твоих детей возвысить и облагодетельствовать, а ты тут, понимаешь ли, позволяешь себе выступать... Этот Ясон с его практичным умом и впрямь не способен понять, чего ради так мучается бывшая супруга, посылая проклятья ему и царскому роду правителя Коринфа Креонта. Следуя той же логике, Хор сведен к одному персонажу: Эмманюэль Рива, немолодая, много пережившая на своем веку женщина, чем-то

напоминает добросердечную и участливую соседку, принимающую близко к сердцу драму этой чужестранки, так и оставшейся чужой и чуждой грекам. Античную трагедию Лассаль низводит до психологической драмы, сказали бы мы... если бы не Медея Изабель Юппер.

Первое появление Медеи предваряется ее голосом: истошные, страшные вопли и проклятья, многократно усиленные микрофонами, доносятся из-за кулис. Потом пауза, обозначенная томительной мелодией трубы. Медея, закутанная в белый шелк, появляется на сцене строгая, сосредоточенная и царственная, как будто не она только что выкрикивала эти проклятья. В финале Изабель Юппер тоже уходит со сцены сама (а не так, как у Еврипида, на посланной Гелиосом колеснице), строгая, сосредоточенная и царственная, в странном освобождении от самой себя...

Все очень просто: Изабель Юппер играет драму всеобъемлющей любви, при потере которой остается только один выбор - смерть. Но Медея, ведущая свое происхождение от богов, бессмертна, поэтому она решает убить живую часть самой себя, любимых детей. В спектакле Лассалья этот выбор дается ей мучительно долго, мучительно тяжело, Изабель Юппер играет так, что, кажется, вплоть до последней минуты, когда возьмет воображаемый клинок, она не знает, сможет ли совершить задуманное. И именно та особая, интимная манера, с которой Лассаль интерпретирует Еврипида, делает ее драму еще более пронзительной. Встречи Ясона и Медеи на краткое мгновение вдруг приоткрывают завесу над той страстью, которая когда-то соединяла их, и какая-то безумная, безудержная нежность чувствуется в отчаянном крике «О мои маленькие...», с которым Медея обнимает, прижимая к груди, своих сыновей. Нежность, сопоставимая по силе только с разрушительной ненавистью к сопернице, которая владеет Медеей, как одержимой. В момент свершения мести она и становится одержимой: рассказ о страшной гибели соперницы вызывает в ней экстаз, в порыве которого она, словно опьяненная вакханка, отдается вестнику.

Обрамление, которое дает Жак Лассаль драме Медеи (сценография Руди Сабунги), и условно-театрально, и глубоко символично: белый песок Эллады, деревянный помост над ним и водное пространство, невидимое за песками, но присутствующее очень материально, потому что Изабель Юппер постоянно возвращается туда, к невидимому морскому берегу, окунаясь с головой или только смачивая ноги, словно это приобщение к воде ей необходимо, чтобы набраться сил.

В последней сцене Медея и убитые мальчики появляются вместе, в золотом свечении: смертельно бледная Изабель Юппер в парчовом платье под золотистой вуалью, и сопровождающие ее смертной бледности сыновья, с ног до головы (одежда, лица, парики) покрытые золотой пылью, составляют как бы единое целое.

Только очень большой актрисе дано так играть на разных регистрах, так в психологической драме добиться присущего трагедии катарсиса.